

ПРОТОИЕРЕЙ
АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВ

Тридцать три и 1

СБОРНИК СТИХОВ

*написанных в разное время
и по разным поводам*

«АНТИК»
Москва 2014

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Что для меня поэзия?

Это образ выражения творческой мысли.
Но не только...

Посредством поэзии мы обретаем таинственную связь с великими сынами родной земли, чье наследие оказалось создающим началом для многих поколений русских людей.

Наконец, поэтическое творчество плодотворно как в делах душепопечения, так и обретения тех тончайших нитей общения, без которых не происходит подлинной встречи с бессмертной человеческой душой.

Отдельно взятая и вовремя произнесенная поэтическая строчка может перевернуть человеческую жизнь.

Вспомним, что слово Божие — по большей части, слово поэтическое...

На древнегреческом языке «поэзия» означает словесное действие.

Оно воистину сродни музыке, власть которой над сердцем известна многим.

Каждое слово поэта да будет на вес золота.

Нет, не нужно быть священнику поэтом.

Многих погубила творческая слава.

Ну а если и таланта нету,

Что скучать о мирте и о лаврах?

Каждому свой жребий дал Создатель:

Да готовит воин острый меч на битву,

В доме пусть скрипит пером писатель,

Пастырь — руки воздевает на молитву.

Я не считаю себя ни поэтом, ни писателем, но иерей Божий *de facto* — служитель Слова.

Пусть же слово, которое предназначено свидетельствовать о горней красоте и вечной любви, послужит вам в радость.

ВРЕМЕНА ГОДА

ОСЕНЬ

Меня трезвит осенняя погода
И вдохновляет морозящий дождь,
И холод вечеров, и мокрые разводы
На темных окнах в ветреную ночь.

А между тем, душа теплом согрета,
И на сердце покойно и светло...
Неужто осень — время лишь поэтов,
И только им писать о ней дано?

Осенняя пора в России столь прекрасна,
Благодаря явлению в мире Той,
Которую не прославляют стансы;
Земные песни — для любви земной...

Но Деву славят золотые клены,
Ковром Ей служит утренний туман;
И журавлей прощальный караван
К Ней обращает жалобные стоны...

Все в осени душе моей пригоже...
Так прочь беги, унылая печаль!
Ночь. Тишина. Я бодрствую на ложе.
Сон не пришел. Но мне того не жаль...

ЗИМА

Не дерзость ли — мне петь зиме хвалу,
И посвящать ей немощное слово?
Но с детства я январь люблю
За девственные снежные покровы.

Поля белесые, овраги, сухостой,
И в ветках иней, блещущий на солнце,
Прозрачный воздух, роща над рекой —
Все видно мне из низкого оконца.

В деревне я, готовлюсь к Рождеству,
Николу Зимнего встречаю, Спиридона.
И в теплых валенках по снегу в храм иду
Под звуки льющегося с колокольни звона.

Но вот беда — вдруг оттепель пришла,
Спустившись птицей с влажными крылами...
Сугробы тают и капель слышна —
Сосульки плачут звонкими слезами...

Проталины зияют здесь и там...
Распались зимние суровые оковы.
Эх, кажется, все за мороз отдам,
Пусть будет снежным Рождество Христово!

Церквушка...Тихо теплится свеча...
Я на колени стал перед иконой.
Коснулась ветвь еловая плеча —
В вертепе хвойном почивает Слово...

Утешенный, я покидаю храм,
А во дворе — зима, во всем величье!
Мороз, поземка! Около крыльца
Сердитая старушка внука кличет.

Но тот играет с озорным щенком,
Забыв про церковь и про службу.
Снег в рукавицах, за воротником —
Мальчишка рад зиме и стуже!

Вот я и дома. В черных небесах
Туманность Андромеды серебрится.
Дары несут Младенцу три Волхва...
Звезды Полярной мягкий свет струится...

Созвездье Лебедя — нерукотворный Крест —
Парит, простершись над моей головой,
Петух в курятнике взошел на свой насест
И возвестил час полночи святой!

ВЕСНА

И вот, согнувшись под своим крестом,
Скорбим, забыв, что в нем спасенье.
Сораспинаясь в муках со Христом,
Смерть побеждаем! Чаем воскресенья!

И вновь я жду пришествия весны,
Ее живительного, легкого дыханья,
Устав от долгой, утомительной зимы,
С коротким днем и ночью слишком ранней...

Молчание царит среди полей,
Печальный лес стоит заиндевельный.
Но вдруг, лазутчицей среди ветвей,
Весна подкралась... И взялась за дело!

Ручьи звенят, слышна капли трель,
Река из ледяного вышла гнета,
И птицы радостно приветствуют апрель,
В небесной вышине порхая беззаботно...

Как часто, потерявши радость в жизни,
Наговорив друг другу гневных слов,
Став жертвою обиды, укоризны,
Мы душу запираем на засов.

ЛЕТО

Теплым ливнем лето пришло,
Обновились темные ели.
В старом доме утром светло,
Где мы вечером поздним сидели.

Кроны буйствуют в диком саду,
Опьяняет запах сирени,
И, как в детстве, упавши в траву,
Я засну под густой ее сенью.

Пробудившись, сквозь зелень листвы
Облаков замечаю движенье.
Скоротечные летние дни,
Вас вкушаю, как мед, с наслаждением...

Тихий август. С иконы глядит
Древний Спас из-под простеньких кружев.
Сельский батюшка в храме святит
Краснобокие яблоки, груши.

Скоро жаром вспыхнет рябина,
Где-то выглянет крон позолота,
Станет небо угрюмым, карминным,
Покраснеют брусникой болота.

Сердце ищет свободы и воли,
А душа улетает с листвой...
Там, в далеком небесном просторе
Обретет она вечный покой...

СЛУЖИТЕЛЬ СЛОВА

Выслушивая вопросы прихожан, я время от времени испытываю побуждение ответить на них поэтической строкой. Почему?

Художественный образ, запечатленный в стихотворной форме, иногда имеет великую силу разрешать затруднения. Воздействуя и на ум, и на сердце, поэтическое произведение может заменить собой многочасовую беседу с человеком. Если стихотворение попадает в цель, ему по силам мгновенно снять раздражение, умиротворить и даже умиливать мятушуюся душу. Вспомним, в связи с этим, насколько важной была для А.С.Пушкина стихотворная реплика, полученная им от святителя Филарета Московского. Стихотворения, помещенные ниже, представляют собой поэтические ответы, обращенные к конкретным людям по разным, значимым для тех поводам.

«Батюшка! Последнее время стал замечать за собой равнодушие к больным. Нет, не подумайте, я как врач выполняю все, что от меня зависит, и даже больше. Но вот чувства сопереживания, сострадания к больным куда-то ушли. Моя душа как бы онемела. Батюшка, мне иногда становится страшно».

Как страшно онемение души,
До пепла выгорают чувства.
Чужое горе уж не умягчит,
И в сердце холодно и пусто...

Но Бог от нас приемлет сердце,
Могучее в смирении своем.
Иначе думать глупо или дерзко —
Жизнь без любви есть только тяжкий сон...

Что воскресит поникнувшие души?
Быть может, виноградное вино?
Но не в печалях чашу нам дано
Вкушать... Вино их только сушит.

Нет! Ни лоза, ни песни, ни лекарства
Не водворяют весны, где вечнует зима,
Спасительно одно лишь царство:
Безлюдие, природа, тишина...

Поищем же, друзья, уединенья,
В нем незаметно обновится кровь,
И явятся незримо вдохновенье,
Молитвы дух и к ближнему любовь.

*«Отец Артемий, здравствуйте! Вы мне
назначили день исповеди и крещения.*

*Я прочла книжку, которую Вы мне
дали для ознакомления. Но я все равно не
понимаю, как исповедоваться за всю
мою долгую жизнь... как развернуть
этот свиток прошлого...»*

«Вот прошлое разворачивает свиток...» —
Знакомые, глубокие слова;
Просеять же ушедшее сквозь сито
Немногим сила памяти дана.

По большей части, сего дня корыто
Нас пресыщает жмыхами страстей,
Вот почему морщинами изрыты
Лбы изможденных временем людей.

Но только напряги с молитвой память
И призови дела «минувших дней», —
Ушедшее перед тобою встанет,
И ты вплывешь в него, как в море Одиссей...

Воскреснут встречи, люди, лица,
Услышишь отзвуки взволнованных речей,
Река минувшего вдруг с шумом заструится,
И ты златою рыбкой засверкаешь в ней...

Вновь бьется сердце, закипают слезы,
Ты властен — чудо! — пережить все вновь:
Ошибки те же, старые занозы,
И гостя та же, прежняя, — любовь...

*«Батюшка! В чем я провинилась? Почему
меня постигло такое горе? Сын умер... и
я вместе с ним...»*

Вы ни в чем, мой друг, не виноваты,
Только потому, что Вы в трудах...
И не нужно дым спаленной хаты
Вам вдыхать в тревожных бабьих снах.

И пусть крик безвестного младенца,
И невинного создания слеза
Не язвят железом Ваше сердце —
Хрупки ветви, но сильна Лоза.

Знайте, что страдая друг за друга,
Как в печи сгорает береста,
Должно лобызать Того лишь руки
Кто простер их людям со Креста...

«Батюшка, я наслышана, что с Вами можно вести переписку и Вы отвечаете на письма.

*Конечно, я была бы несказанно рада иметь возможность письменно пове-
рять Вам то, что меня волнует. Но мне как-то совестно отвлекать Вас, ведь
Ваша занятость велика и у других людей проблемы куда более серьезные».*

Я рад прислать, пока Вы спите,
Вам весть с далеких островов...
Нет, я не дерзкий нарушитель
Невинных Ваших детских снов!
Коль прежде утреннего срока
Дойдет до Вас мое письмо,
Раскроет истину оно:
Быть ближним можно издалека...
Вы весть прочтя, не будьте строги,
Что в простоте ее послал.
Ошибся я, быть может, в слоге,
Но в мыслях — лишь добра желал...

*«Батюшка, благословите! Еду с одно-
курсниками в Питер!».*

К Пушкину на Мойку — обязательно!
И по Невскому прогулка непременно
Вам прописана, мой друг сиятельный,
И, конечно, Павла гобелены!
Невских волн заказана рапсодия,
Летний Сад овеял ветром статуи,
Эрмитаж, Брюллов, Кустодиев,
И так неожиданно — Чимабуэ...
Загляни в каналы, гостя Питера,
В них отыщешь свое отражение
И все то, что днем ты увидела,
В этом граде Петрова гения.

«Батюшка, мне очень тяжело. Мы с мужем примирились, жизнь постепенно входит в прежнее русло. Он старается, но вижу, что не забыл еще эту женщину... Хотя говорит, что любит только меня... и всегда любил... А у меня внутри пустота, все выжжено...»

Уже давно я не мечтаю,
Кто дернул бы мои косички,
И сердцем боле не растаю,
Потупив очи и реснички...

«Люблю» услышать бы хотела,
Увидев преданность во взоре,
Лишь бы за словом было дело,
Ведь суть, друзья, совсем не в слове...

Я знаю, все так быстротечно,
И это слышать Вам не вновья.
На Древе четвероконечном
Живет распятая Любовь...

— 28 —

«Это удивительно! Я ждала Вас в гости, а Вы — со своими вечными разъездами! А ведь обещали посетить мой дом!

Может быть, Вам покажется странным, но я тоже занятой человек».

Ах, когда же Вы вернетесь,
Мой любезный старый друг?
Продырявился наш ботик,
И зарос уж старый пруд.
Отцвели в усадьбе липы,
И пошли давно грибы,
В доме всюду стуки, скрипы,
Знать, и он ворчит: «Где Вы?».
А на дубе, близ лужайки,
Где читали мы стихи, —
Желуди. Бельчат там стайка
Носится среди листвы...
Ах, когда же Вы вернетесь,
Воздыхаю, сетую...

— 29 —

Вы вернетесь, несомненно,
Но, боюсь:
Уеду я...

«Батюшка, мне мама сказала, что вы уезжаете. А я опять все болею и болею. И в школу не хожу. Учительница говорит, что если я буду и дальше пропускать уроки, меня оставят на второй год.

Батюшка, родненький, приезжайте скорее! Я соскучилась. Привезите мне аленький цветочек».

МОЯ СКАЗКА

Аленький цветочек
Рдеет на заре,
Средь травы душистой,
В неведомой земле...

«Расскажи мне сказку
О себе самом —
Я хочу поплакать,
Как в детстве золотом...»

«Слушай про заклятье
Падших, темных сил,
Слушай про страданье
Тех, кто полюбил.

И моря, и земли
Мог преодолеть,
Чтоб в саду чудесном
Алый цвет узреть...

Знай, что часто страшный
С виду человек
Чист и целомудрен,
Как в овраге снег...

Знай, что чары злые
Рушатся тотчас,
Если дело благо
Свершает кто для нас...

Даже смерть бессильна
Пред слезой любви —
Только с верой правой
Бога призови...»

Аленький цветочек,
Духом пламеня,
Как перо жар-птицы,
Над травую реял...

Сединой украшен,
На ланитах — маки,
Над цветком склонившись,
Я по-детски плакал...

«Простите, батюшка, мою несдержанность. Я вела себя так глупо!

Еще и с советами всякими к Вам приставала! Сама не знаю, как так получилось. Мне так стыдно! Простите!»

*«Мой друг, слышны мне Ваши думы,
Когда под шалью шерстяной,
Укрывшись от хандры дневной,
Вы вспоминаете, как гунны
Живою грозною волной
Европу дерзко наводнили...»
«Не так ли я, небрежным стилем,
Лицу известному писала,
Весьма некстати хохотала
И предлагала с кондачка
Свое суждение иногда?
Нет, в руки не возьму перо!
Ему, наверно, все равно,
Но стыд молчанием покрою —
Пусть знает: все ж, чего-то стою...»*

*«Батюшка! Недавно был в родных краях.
Тридцать лет не навещал свою малую
родину. До революции рядом с нашей де-
ревней было село Архангельское: мона-
стырь, храм, больница, школа...*

Но в лихие времена все разрушили.

*Нет больше этого села. Стоит только
полуразрушенная церковь, разбитые
могилы на кладбище и каменный крест,
весь изрешеченный осколками и пулями...
А от моей деревни только два дома
осталось...»*

*Однажды посетив смиренное кладбище,
Увидел в уголке я разоренный склеп.
Такое запустенье! Кто здесь рыщет?
И только ветра был невнятный мне ответ:*

*«Хозяева давно могилу позабыли,
А, может, сами долг природе заплатили,
Когда настало время смутных дней», —
Вещал смущенно ветер душе моей.*

«Сначала здесь бродяги жили,
Святое место портя и скверня,
Затем безбожные могилу сокрушили
И расстреляли крест в исходе октября...»

Заплакал ветер и умолк на время,
А я смотрел на кроткого Христа:
По-прежнему в шипах терновых тема —
Нашел на Древе Он, чего искал...

Мой собеседник прошептал уныло:
«Едва ль сюда заглянет человек.
Здесь взору ничего не мило,
Пока не занесет могилу первый снег...»

А я стоял в немом оцепененье...
И силился осмыслить век земной:
Христос. Распятие. Разбой...
Его любовь... Уединенье.

«Свершать мне до конца святую тризну,
Покуда не отыметя Луна...». «А что потом?»
Вздыхнул он с укоризной:
«Всем воздаяние сполна...»

*«Ну почему Вы мне отвечаете стихами?
Я что-то не пойму...»*

К посланьям поэтическим опасно привыканье,
Захватывает душу музыка стиха;
Знакомо Вам ее звучанье:
Она разумна, сладостна, тиха...

Ее не слышно — блекнут краски мира,
А в сердце перебои, пустота...
Вновь зазвучит волной морской прибой —
И птицей мы взмываем в небеса...

Так что ж она — поэзия родная?
Движенье Духа или наважденье?
Об этом по ее плодам узнаем —
Дай Бог, найти в них мудрость и смирение...

«Не знаю, как Вам признаться, но меня страшно тяготит мое окружение. Не то, чтобы я был высокомерен или что-то из себя строил, но их «простота» меня раздражает. Эти бессмысленные и глупые разговоры, манеры, сама речь — все мне претит.

Что мне делать? Уходить с работы? Но куда? Только с Вами и могу поговорить о своей проблеме».

И я воспитан в том же духе,
Хотя в родне одни стряпухи...
Пусть я и смерд,
Но милосерд,
И в правилах своих имею:
Долгов не брать,
Задаром не питаться
(Без приглашенья),
С бретерами не драться,
Чтоб ненароком не вогнать
Во гроб мою старушку мать...

Не знаю, Ваша честь
Протянет ли мне руку?
Иль после этого признанья
Лишь ухмыльнется на прощанье.

«Я Вам писала, но.... Вы стерли всю мою переписку, и она улетела во всемирную паутину... и упала на воспаленную зону виртуального пространства... там и упокоилась...»

Мой милый друг,
Вы ведь не муха,
Чтоб в паутинью сеть упасть...
И я не злобная старуха,
Не буду эти нити прясть...
Но есть иные узы счастья
И нити тонкие любви...
Что им напасти и ненастья!
Их не порвем — ни я, ни Вы...

«Батюшка, «шедевры» лезут, как из рога изобилия...»

Шедевры, чуждые изъяна,
Конечно, свыше к нам снисходят...
А лезут и по печке бродят
Простите, только тараканы!

«Батюшка, простите меня за горькие мысли. Но кому, кроме Вас, я могу открыть свою душу... Я одиноко. Вы помните все обстоятельства моего развода.

Дети выросли, и я им уже не нужен. Живу бобылем. Как у Лермонтова, — одиноким старым утесом...»

Я наконец дождался часа,
Когда сложила чайка крылья.
Улегся ветер вместе с пылью
На днище старого баркаса,

И наступила тишина...
Средь неба темного лениво
И царственно неторопливо
Скользила полная Луна...

Я взоры обратил на море —
Оно темнело на просторе
И глухо, тяжело ворчало,
Стянув со берега одеяло

Пенящихся, соленых волн...
Качался мерно старый челн,
В котором бриз давно улегся.
Вдыхая запах пакли, дегтя,

Он предавался забвению...
Ах, чайка, я так не могу!
Меня в ночи тревожат думы...
От них, не от морского шума,

Я, как старик, лишился сна...
Наполнится ли жизнь моя
Сознанием подлинного счастья,
Избегнет ли страстей ненастья?

Ответь мне, птица быстроскрыла!
Почто молчанием томишь?
Но ты, я вижу, крепко спишь,
И речь моя тебе не мила...

*«Батюшка, я устала от бесконечных
претензий мужа, детей.
У меня нет больше сил... Что мне делать?»*

Мой запущенный сад
Весь молчания полн,
Мой затерянный дом
В окруженье колонн,
И ушедшие вглубь
Корни рода мои —
Они с русской землей
Навсегда сопрягли
Мою душу и мысль,
И полет моих крыл.
Лишь бы внутренний тигль
Никогда не остыл...
Мой запущенный сад,
Расступись предо мной,
И под сенью оград
Ты хозяйку сокрой

От людской суеты
И житейских обид...
Радость даришь лишь ты,
Только ты не забыт...

*«Со Светлым Вас Христовым Рождеством!
Праздник был чудесным: с огромной
елкой, подарками, рождественским сто-
лом! Пришли все наши друзья, было ве-
село и радостно... Теперь все разъехались,
и дома стало совсем тихо... а я пишу
Вам...»*

Она, усталая, сама не раздеваясь,
Снимала с ели праздничный убор...
Куда же радость Святков подевалась?
Ужель исчезла, как скоромный стол?
Нет! Там, меж полысевших веток,
Задумал спрятаться бумажный ангелок...
Он, он ее упрятал, эту благость;
Словно лисенок, в норку уволок!
Она, усталая, снимала тихо свечи,
Застывшие близ хладного камина...
А ели во дворе шептали речи
Подруге... ночью это было...

«Дорогой батюшка!

*Как-то Вы благословили меня описать
всю мою долгую жизнь. Но, взяв ручку, я
совершенно теряюсь... Меня буквально
захлестывают воспоминания. Не знаю,
с чего начать, помогите!»*

Вы любите шутку, но любите быть и серьезной —
Укутавшись платом молчанья, себя обретает душа...
Нет ни шутов, ни подружек пастозных,
Но редкая гостья — любезная всем тишина...
Под абажуром, бросающим тень на портреты,
Задумались Вы, взор устремив на тетрадь...
Где они, жизни светлые, ясные меты?
Как о них другу белым стихом написать?

«Я не понимаю, почему Вы мне не отвечаете? Мои смс, что, не доходят до Вас?!»

Прошу простить за долгое молчанье,
Но хорошо бывает помолчать,
И отдых дать словам, ведь их звучанье
Имеет свойство души утомлять...
А если выдержать, как требует приличье,
Известный благородству интервал,
То Ваше слово миром отзовется
В тех, кто его с терпеньем кротко ждал...

*«Дорогой, бабушка!
Как мы Вам благодарны за Ваш приезд!
И сынок, кажется, спокоился, и муж присмирел.
Приезжайте к нам почаще!»*

Заснул вчера я, вспоминая,
Как ветви яблони ластиятся,
Веранду листья осязают
В стремленье внутрь, к теплу
пробраться...

Я вижу дом в цветах закатных,
Руками сумерек объятый...
Там ели в бальных платьях знатных
Застыли — видно, ночи рады...

О тишина, здесь за калиткой,
Ты полновластная царица,
Где спрятались в траве улитки,
Где власть имеют только птицы...

«Отец Артемий!

*Мы ждем Вас в нашем загородном доме
в 18.00. Будут нужные и важные люди.
Куда подъехать водителю?»*

Я не достоин Ваших карасей,
И запотевшего старинного графина,
И русских загустевших кислых щей,
И даже малой дольки апельсина...

Однако труд невольно умиляет
И хлебосольства теплого
 столь редок ныне дар...
Хозяйка, добронравием и счастием сияя,
Гостям несет дымком
 пропахший самовар.

Вы знаете, в любви купаться
Привычно баловням судьбы.
Совсем иное — подвизаться...
Против дыхания зимы...

*«Как относиться к Цветаевой? Ведь она
была такая влюбчивая, страстная... и
потом, этот ее уход из жизни...»*

Посвящается Марине Цветаевой

Не дождавшись ответа Вашего,
Я уйду с головою в сумерки,
Позаимствовав у них тунику,
Темную и некрашену...

Выйду к морю, оно скорбным шепотом
Встретит гостя, ему не милого:
«Что не спишь, недотеха ты,
Улетевшего дня тень бескрылая?..

Мне, пучине, дай успокоиться —
Берег чает моей любви,
Неразлучная мы с ним двоица,
Третий — лишний, скорей уйди!»

Побреду, к земле ковылем прильну,
Да напьюсь росы, как из чаши я,
А затем, хмельной, наконец, усну,
Не дождавшись ответа Вашего...

*«Прошло уже два года после смерти жены,
а я так и не могу с этим смириться.
Я часто с ней разговариваю, чувствую,
что она рядом. Но она мне никогда не
снится. Что со мной, батюшка?»*

Не скучай, ведь мы не расстаемся,
Это только временная тишь,
Знай: разлука — малое оконце,
Ты в него с терпеньем поглядишь —

Соберутся воедино звуки
И соткутся милые черты...
Лишь крестом сложи по-детски руки,
Чтоб Господь свершил твои мечты...

*«Я разуверилась в его чувствах ко мне.
Да я и сама уже не понимаю, зачем мы
вместе? Живем по привычке. Помолитесь
о нас».*

Тревожат нас слова признанья
И смутно душу бередают...
О взорах, ласках и лобзаньях
Что говорить? От них не спят...
Ах, все бежит и все уходит
С коловращением Земли,
Все это было... Как ни мило,
Следы затеряны в пыли.
Но есть одно, что не исчезнет,
Не канет в лету никогда.
Молитва!.. Любящим — как песня,
Для жаждущих любви — вода!

*«Батюшка, все чаще подумываем, а не
вернуться ли нам на Родину?
Но, с другой стороны, столько лет
прошло... и что мы там будем делать?»*

Москва, Россия... Что дороже
Этих столь звучных, теплых слов?
За ними храмы, люди Божьи,
В них гулкий звон колоколов...

В них столько боли, крови, силы,
Молитв сердечных и любви!
Какое счастье — жить в России,
Бродить по улицам Москвы!

Жизнь здесь для нас — труд и служенье...
Но только тая, как свеча,
Ты постигаешь наслажденье
Сказать о Родине — моя!

Не жди же, брат, похвал, признанья —
Сынам России то не в честь,
Но воле Божьей послушанье —
Служить, поправ корысть и лесть!

СТИХИ

МОСКВА

Москва, к тебе стремлюсь я сердцем и душой...
Хотя, признаться, суеты не выношу столичной,
Мне проще чайкой реять над тобой,
Приветствуя холмы со криком птичьим...

Столица, поскорей разгладь свои морщины
И улыбнись мне в солнечных лучах!
Как жаль: не написать картины
Москвы, затерянной в исчезнувших садах...

МИГЕЛЬ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА

Это стихотворение написано мною под впечатлением от черногорского града Ульцина и его крепости, а также старинной легенды, гласящей, что Сервантес, захваченный пиратами-работоторговцами, провел пленником в этом бастионе пять долгих лет...

Мигель Сервантес Сааведра...
Какая музыка в словах!
И коль воображенье щедро,
Крылами производит взмах —

Полет рисуется заманчив
В далекий, благородный век,
Там, в солнцем залитой Ламанче,
Чудной явился человек.

Худой, как аист, долговязый,
Сидит на боевом коне,
Он служит женщине из сказок —
Девице в граде Дульчине.

Любви возвышенной заложник,
Герой романа — Дон Кихот,
Борясь с бесчестием и ложью,
К невесте обновляет ход.

Слуга с ним верный Санчо Панса,
Участник подвигов лихих,
Его осел за Росинантом
Плетется... Но оставим их!

Зову вас в Ульцинскую крепость,
Где доблестный наш друг Мигель
Оплакивал судьбы нелепость —
Мне там явилась его тень...

Послушайте рассказ Мигеля,
Я в памяти все удержал,
От страха став белее мела,
Покуда призрак мне вещал:

«Рабом в цепях пять лет томился,
Всегдашний слыша шелест волн,
Я презирал свой плен, как сон,
О воле сладкой лишь молился.

И коротая темны ночи,
Обдумывал я свой роман
Про Дульсинею, ее очи
И лебединый тонкий стан.

Мой Дон Кихот, смешной и милый,
С копьем скакал наперевес
И, сокрушая мельниц крылья,
Меня спасал....». Вдруг дух исчез.

Один я в крепости пустынной,
Что вогнездилась на скале,
С высокой башнею старинной.
То дело было в сентябре.

Вокруг меня плескались воды,
Град Ульцин нежился вдали,
Перемешались в нем народы,
Столетия утекли, как дни...

Мигель Сервантес Сааведра...
Герой Ламанчи Дон Кихот,
Наивный старый непоседа...
Но автора корабль уж ждет —

К свободе унесла галера
Мигеля, в двадцать два весла.
В Алжире ярко солнце грело,
Где он роман свой написал...

А Вы, друзья, под мерный сказ,
Если заснули вдруг на стульце,
Пожалуйте в наш добрый Ульцин —
Стихи прочту Вам еще раз!

ЦАРИЦЫ

МАРИЯ АНТУАНЕТТА И АЛЕКСАНДРА

Гуляя по весеннему Парижу, я бродил вдоль Сены, дыша ароматами цветущих деревьев и заглядывая в лавочки букинистов, гостеприимно раскрывших свои сокровища для обозрения.

Среди несметного количества ветхих книг, перевязанных бечевками, открыток разного формата, выцветших журналов я вдруг увидел фигурную рамку с запыленным портретом... Не без волнения прочитал:

Marie Antoinette...

Королева взирала на меня с царственной улыбкой, и мне захотелось непременно приобрести эту находку.

Я вспомнил, что наша последняя Царская Чета, во время свадебного путешествия, останавливалась в Версале, и у Александры Федоровны в опочивальне стоял портрет несчастной французской Королевы...

Как удивительно схожи Их судьбы!
Что это? Проявление чьей-то злой воли
или вехи Провидения Божия?

МАРИЯ АНТУАНЕТТА

Что выше царского венца?
И кто, сорвав его, в ответе?
Изречь дано Антуанетте,
Испившей чашу до конца...

Мария чернью предана
На суд, томительный, ужасный,
Ею любимая страна
Кровавой жертвы ждет напрасной...

Царицу Франции везут
В телеге, грязной и скрипучей,
По старой, гулкой мостовой...
Сгущались над Парижем тучи...

Сама вошла на эшафот,
С молитвою главу склонила...
Затих вдруг в ужасе народ,
На миг смиренный Божьей силой.

Ее изящная стопа
Шаг делает не слишком точный.
«Простите, — просит палача.
— Коснулась Вас я не нарочно».

Остановись, пропащий люд!
Да не падет на вас проклятье!
Но вот, палач, угрюм и лют,
Уж рвет на Королеве платье...

Содрогнись, небо! Плачь, земля!
Топор стальной пронзает плаху...
Сброд, обезглавив Короля,
Теперь зубами рвет рубаху

Антуанетты... Мрачным утром
Холопы замывали кровь.
Толпа зевак со взором мутным
Все пересуживала вновь...

Века прошли... и голос кроткий
Марии царственной забыт.
Дома бесчисленны, как соты,
Париж изящный празден, сыт...

Весна... С цветением садов
Скучают девы о поэте,
А тот, под сению мостов,
Все плачет об Антуанетте...

Отринув сон, молитесь, девы!
Ведь и поныне Она ждет:
Поймет ли что-нибудь народ,
Навек лишенный Королевы...

ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА

I Все в нашей жизни не случайно,
Будь то удачи или беды.
И часто в этих малых метях
Сокрыта будущего тайна...

Пред нами скорбный лик Царицы —
Печально-отрешенный взор...
Любовь из глаз Ее струится,
Но в них читаем приговор

Эпохе... И сегодня служим
Корысти, низкопробной лжи.
На нас и ныне тяжким грузом
Клятвопреступный грех лежит...

Я мыслью уношусь в былое,
И с грустью в прошлое смотрю:
Царь с юною Своей женою
Во Франции, на Рю Дарю.

Обедню чинно отстояли,
А вечером того же дня
Вкушали во дворце Версаля
И поминали Короля

С Антуанеттою несчастной...
Ведь Люцифера злая месть
Руками санкюлоттов* красных
Начало положила здесь!

Пройдя в Свою опочивальню,
Вдруг Александра побледнела:
Хозяйка в образе овальном
С улыбкой на Нее смотрела...

Сон ночью Александре снится:
Париж мятежный, эшафот,
Стоят солдаты вереницей,
Мария в рубище идет

Навстречу смерти... На рассвете
Царица светлой, легкой тенью
Скользнув из замка, в отдаленье,
Молилась об Антуанетте...

II А в Александровских чертогах
Красой служил дворцовых стен
Счастливо купленный на торгах
Парижский чудный гобелен:

Сидит с улыбкой средь детей,
В изящные шелка одетых,
В цветенье красоты Своей —
Прекрасная Антуанетта!

С чем ждал Ее Париж преступный?
Точил убийственный топор,
Распространяя запах трупный,
Готовил судный наговор...

О роковые совпадения!
Царица Русская, и Ты
Пила вино эсмирнисмено**
Бесстыдной, злобной клеветы...

* санкюлотты (фр) — букв. «беспорточники». Так называли чернь, руками которой творились ужасы революции во Франции в конце 18 столетия.

** Эсмирнисмено — вино, смешанное со смирной, давали в Иудее преступникам перед казнью (см. Мк 15,23).

Затем арест, глумленья сброда,
Круг озверевших палачей
И равнодушие народа —
Позор тех окаянных дней!

Сопряжены Распятьем судьбы!
Антуанетта, Александра...
Венец и кровь. Всегда так будет:
Готовя крест, кричат: «Осанна!»...

Прошло с тех пор почти сто лет,
Живет Россия в веке новом,
Но до сих пор святой портрет
На нас глядит с немим укором...

АНТИК

ВСТРЕЧИ С АНТИКОМ

В 20 КАРТИНАХ, С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Кто такой Антик? — спрашивают меня с недоумением. Он из мира реальности или вымысла? Вы с ним действительно встречались?

Да, встречался... Иначе, как бы я мог описать все, что с тех пор хранится в глубинах моего сердца?

Художественный образ, по мысли Ф.М. Достоевского, есть квинтэссенция действительности...

Антик сокрыт в душе каждого из нас. Его имя соотносится с французскими словами: antique — древний; autentique — подлинный, неподдельный...

Антик — это воплощение красоты и изящества, это словесный нравственный идеал, черты которого и составляют образ Божий в человеке...

Мои встречи с Антиком всегда были неожиданны, непредсказуемы... Они имели

место в разное время года, в России и далеко за ее пределами... Иногда я ждал его, а иногда Антик ждал меня... Вот почему стихотворения столь различны по объему, размеру и ритму... Только несомненно одно: с Антиком связано ощущение чего-то безвозвратно уходящего из мира человеческих отношений. Антик — явление той эпохи, которая на первое место ставила благородство, честь и бескорыстное служение людям...

ПРОЛОГ

КАРТИНА I

Как тяжко видеть распаденье
Привычных связей, уз и скреп.
В России властвует растленье
Без малого сто страшных лет...

Умы в гордыне потемнели
И злобой пленены сердца,
Добро и правда улетели,
Как птицы, в райские края ...

Любовью именуем похоть,
Обман сулит нам похвалы...
Быть может, времена и сроки
Возмездия давно пришли?

Уж вечер наступил туманный,
А я, забывшись, размышлял...
Очнулся. С виду очень странный
Прохожий предо мной стоял.

В камзоле ветхом, старомодном
И свежей розою в петличке...
Что этим вечером холодным
Оставил он в саду столичном?

«Вы потерялись? Заблудились?
Чем я могу Вам послужить?
Хотя... мы, кажется, встречались...
Ваш образ трудно позабыть...»

Секунду помолчал романтик.
Затем руки моей коснулся:
«Друзьям известен я как Антик...»
Услышав имя, я проснулся...

КАРТИНА II

Антики — это взрослые дети,
С бантом на шее, цветком на груди.
Опытный глаз их сразу заметит,
Но Антиков трудно ныне найти...

Они не живут среди сора и пыли,
Они сторонятся поддельных вещей.
Призванием Антиков издавна было
Взрачивать розы в душах людей...

Я Вам представляю последнюю особь —
Очень уж быстро уходят они...
Грипп ли их косит, морозов не сносят —
Антики мне безотчетно милы.

Ласков в общенье, скромн, опрятен,
Антик прекрасен в своей простоте!
Только невеждам он неприятен
И непонятен грубой толпе...

От огорченья сейчас я заплачу!
Антика лишь пред собой увидал —
Он пожелал мне с улыбкой удачи
И во мгновенье невидимым стал...

КАРТИНА III

В парке по снежной аллее
В раздумье с утра я бродил...
От холода руки немели,
Морозным быть вечер сулил...

Вдруг Антик стоит предо мною —
Та же улыбка в устах,
Белая роза в камзоле,
С инеем на лепестках...

«Ах, Антик, Ваше явленье —
Как только что выпавший снег,
Вы служите нам утешеньем
В скудный любовью век ...»

«Вас не забыл я», — с улыбкой
Кротко мне Антик сказал...
Ветер студеный с поземкой
У нас под ногами играл ...

Шли мы аллеей столетних,
Снегом покрытых берез...
Задумавшись, я не заметил,
Как спутника ветер унес...

Но, судя по светлости мысли,
Явился мне Антик не зря...
В последних свершилось то числах
Покрытого льдом января...

КАРТИНА IV

Я спросил однажды друга,
Домашней ссорой огорченный:
«Как мир хранить в душевной туге
Средь ближних, гневом омраченных?»

С улыбкою, как утро, светлой,
Мой Антик поспешил с ответом:

«Когда впивается заноза
Чужого гнева или злобы,
Я к сердцу прижимаю розу —
Ведь это же цветок особый...

Прекрасна, как Творца лобзанье,
Она подобна уст дыханью.
На эти лепестки взирая,
Я душу в мире сохраняю...

Да и зачем, мой друг, гневиться?
К чему напрасно волноваться?
Смотрите: снегирию синица
Щебечет что-то, словно братцу,

Летая в зарослях бурьяна,
Ему поет о птичьем счастье...
А тот, в воротнике багряном,
Алеет на серебристом насте...

У этих птиц участь веселью,
В снегу трепещущих крылами,
Внимая их мажорным трелям,
Я торжествую над страстями!»

Замолк мой Антик... И с улыбкой
Он наблюдал, как у дорожки
Снегирь, по белой кромке зыбкой
Порхая, ткал за стежкой стежку...

КАРТИНА V

«Скажи мне, отчего твоя
Зимой не вянет роза?
Не жухнут лепестков края
От русского мороза?»

Любезно Антик отвечал:
«По той простой причине,
Что в ней живет моя душа —
Вот роза и не стынет...»

«Но как тепло в душе хранить,
Когда неправды мира
Грозятся вдребезги разбить
Златую сердца лиру?»

«Вверяю я свою печаль
И горечь наблюдений
Тому, Кто смотрит всегда вдаль
И знает суть творений...

Стараюсь жить во свете дня,
А мысли и желанья,
Что грудь мою порой теснят,
Без гнева и роптанья

Во власть смиренно отдаю
Недреманному Оку —
И потому спокойно сплю,
Хоть я не лежебока...»

Умолкнул Антик. Как ни прост
Его ответ казался,
Но от земли до неба мост
Вдруг для меня соткался

Из слов, понятных и живых,
Дышавших зрячей верой...
Апрельский ветерок затих.
В рассветной дымке серой

Я различал уже домов
Знакомых очертанья...
От зимних леденящих снов
Земля ждала восстанья...

На сердце веяло теплом...
В поношенном камзоле,
С неувядающим цветком,
Среди земной юдоли

Мой Антик на скамье сидел
И, видимо, молился...
Рассвет весне зарю пропел,
А день войти просился...

«Благодарю! Простите, друг,
До скорого свиданья!» —
Коснулся розой моих рук
Приятель в знак прощанья...

КАРТИНА VI

Мне за него ответить трудно,
Он так необъяснимо прост...
Придет без извещения в будни —
И роза просится на холст!

Взираю на нее — и слышу
Дыханье легкое весны...
Его приход — как милость свыше,
В неожиданном чувстве новизны...

КАРТИНА VII

Прости меня, Антик, —
Опять недостойн
Я оказался
Беседы с тобой!

Бдишь на дозоре,
Как опытный воин,
А я на кровати,
Подавлен тоской...

Верю, однако,
Меня ты не минешь,
С белой розой
Заглянешь в мой дом...

И тотчас от мрака
И злого унынья
Воспрянет душа,
Отринувши сон!

КАРТИНА VIII

Вошел в Москву Прощеный день
При таянии снега...
Смеркалось. Колокольни тень
Подобием ковчега

Застыла на асфальте.. Лед
Беззвучно, мерно таял...
Постойте!.. Антик к нам идет!
Признаться, уж не чаял!

Камзол все тот же, хоть и стар,
Бутон в петлице белый —
Знак девства... Это редкий дар
Святым душой и телом...

Мой Антик — светлое дитя,
Он легок, как пушинка,
Любовь и мир — его стезя...
Веселую тропинкой

Придя, мне радость даровал...
Благое утешенье!
Свиданья с Антиком я ждал,
Как самого спасенья...

У храма друг мой скромно сел,
На прихожан взирая...
Он о весне негромко пел,
Ах, жаль, вы не слышали...

КАРТИНА IX

На Пасху Антик мне явился
В камзоле золотом, без розы!
Неужто зимние морозы
Тому виной? Я огорчился...

Но гость далек был от смущенья,
Напротив: он, румян и весел,
Так расположен был к общенью,
Что напевал слова из песен

И мерно говорил стихами —
Свободой речь его дышала...
Мне показалось: нам внимала
Сама земля с ее дарами...

Природа наполнялась жизнью,
На ветках почки набухали,
Чтоб вскоре дерзновенно брызнуть
Нахально — буйными листьями.

«Цветок в петличке — для Европы,
С ее стремленьем к красоте.
Там нет жупанов и салопов,
Однако, души там не те...

У Вас, в России, жизнь грубее,
Все проще, жестче — не пойму...
Но люди, вот курьез, светлее,
И ближе сердцу моему...

Здесь Воскресение Христово
Низводит в души зримый свет...
Рожденье пережил я снова —
Заговорил во мне поэт...»

Любезный Антик весь светился,
Лилась ручьем хрустальным речь.
Со мною вместе приобщившись,
Хотел не говорить, но петь!

Его слова почти сливались
С приветным шорохом ветвей:
О чем между собой шептались?
Вдруг, вижу: шустрый воробей

С ладони Антика поспешно
Клюет остатки сухаря...
Мне показалось, делом грешным,
Птах появился здесь не зря...

Не так ли, по примеру птичью,
В порыве детской простоты,
Устами мы икону ищем,
Целуя Отчие персты...

КАРТИНА X

Ночь разрешилась теплым дождем,
Земля ожидала рассвета...
Скучал я об Антике с белым цветком,
Улыбчивом друге поэта...

Казалось: вот-вот я увижу его
Близ клумбы притихших тюльпанов..
Мы виделись с Антиком очень давно...
А вдруг его вскоре не станет?

Весенние птицы звенели в кустах,
Младая листва зеленела.
От запаха свежих соцветий и трав
Душа, словно девушка, пела.

Я шел по дорожке и Антика ждал —
Так верилось в близкую встречу;
И серый певец из кустов мне сказал,
Что сбудется все в этот вечер...

КАРТИНА XI

Лиловые сумерки тенью легли
На желтые чаши тюльпанов...
Деревья объятая простерли в тени,
Дрожа от росы и тумана...

Он встретил меня у центральных ворот,
Все в том же старинном камзоле...
Движение рук, головы поворот,
Улыбка — знакомы до боли!

О многом его распросить я хотел,
Но Антик мне знак подал тайный...
В ответ только ветер в листве зашумел,
Коснувшись нас свежим дыханьем...

Уж первые звезды зажглись в небесах...
Никто говорить не решался...
Сокрывшись в сиреневых пышных кустах,
Соловушка с нами попрощался...

КАРТИНА XII

Июньскою белою ночью
Я выехал в град на Неве...
Пришла мне от Антика строчка,
Что Всадник на медном коне

С серьезным нас ждал разговором
О судьбах родимой земли...
И вот уж мелькали пред взором
Имперского града огни.

Волны ворчали сердито:
«Испортились жителей нравы!».
Взглянул я на сфинксов гранитных —
Ответили те: «Волны правы...».

Антик и Всадник смотрели
На спящий таинственный град...
Стал он святой колыбелью
Богом отмеченных чад...

Омыты холодной Невою,
Закованы в темный гранит,
Они и по смерти с мольбою
Взирают на нас из-под плит...

Тут Антик, вздохнувши глубоко,
С улыбкой печальной сказал:
«Поэтов, как и пророков,
Недешев златник, хоть и мал...

Сын света наивен и тонок,
А мир беззастенчиво груб...
Поэта едва ль не с пеленок
Порочат... Но вот, хладный труп

Пред погребеньем украсят...».
Крылатые звери молчали.
И Всадник, в знак горький согласия,
Узду опустил... Над дворцами

Стала заря разливаться,
Сокрылись неясные тени...
С Антиком мы попрощаться,
Увы, как всегда, не успели...

КАРТИНА XIII

Почти забыт эпистолярный жанр
К началу третьего тысячелетья.
Нам Богом данный земной шар
Опутан виртуальной сетью...

Нужды уж нет в чернилах и пере,
Лежит без пользы чистая бумага
С утра до вечера в компьютерной игре —
К чему нам песни, и стихи, и саги?

Нас голос предков перестал манить,
Буграми мы зовем священные курганы,
И если только спать, и есть, и пить,
То пусть пылятся Диккенса романы...

Ах, Антик, скорбное пишу тебе письмо —
Не знают люди почерка друг друга ...
Зачем стремиться в гости? Все равно
Хозяева откажут — недосуг им...

Уж няня сказку детям не расскажет
И колыбельную младенцу не споют —
Причина скудости все та же:
Не душу ль вынул виртуальный спрут?

Как мне послание писать отрадно!
Конверт Вам принесет, я верю, почтальон,
Со штампом, маркой, адресом обратным —
Указан в нем мой старый милый дом...

Бездушен век, однако я не трушу.
Прогресс жесток, и будущее мрачно...
Не эпистолию Вам посылаю — душу!
В ней вы прочтете, отчего я плачу...

В небытие эпоха писем улетела.
И времени не возвратит нам вспять...
Но отвечая, в интересах дела,
Поставьте на конверт сургучную печать...

КАРТИНА XIV

Антик, позвольте Вам передать
Мнения разного рода:
Вас полюбили за благодать —
Это сужденье народа.

Дети — за ласку и радостный взор
(Чистый к святому влечется),
Треплют руками Ваш ветхий камзол,
Что уж столетья не рвется.

К женскому сердцу не Вы ли один
Ключ обрели утешенья?
Мягкой улыбкой грубых мужчин
Учите Вы снисхожденью.

Старцам отрадой служите Вы,
Загробные тайны являя...
Антик, сокровище Божьей любви
В образе Вашем сияет!

Как мотыльки на лампаду летят,
Чтобы кружиться над нею,
Так наши души ищут ваш взгляд,
Но утомлять Вас не смеют.

Тихая ночь. Растоплен камин.
Все собрались в ожиданье...
Антика голос раздался вдали?
Или то ветра стенанье?

КАРТИНА XV

Однажды летел я на лайнере белом
Утренним рейсом в Париж,
Смотря через окошко по-детски несмело
На пятна сомкнувшихся крыш...

Чувствую: справа повеяло розой.
Красный камзол, панталоны, бутон,
Ласковый взор, спокойный, серьезный,
Манеры, улыбка — французский bonton*...

«Антик?! Вот радость! В Париже весеннем
Поговорим, наконец, обо всем!»
«Je Vous invite**», — пригласил он, — вдоль Сены
Мы на прогулку пойдем!

* bonton (фр.)- правила хорошего тона.

** Je Vous invite (фр.)- я Вас приглашаю.

Я покажу Вам узорочье в камне
И подведу к таким витражам,
Что без подсказки воскликните сами:
Это, конечно, собор Notre Dame!»

Антик увлекся одномоментно,
Дружбу с Парижем давно он водил...
Верно, камзол с золотым позументом
Людовик в Версале ему подарил?

Мне Антика близок подход к человеку —
Даме, ребенку — не все ли равно?
Умастить гневливца, уважить калеку
По силам тому, чей девиз: «Сомме il faut...»*

«Я научу Вас жарить каштаны,
Устриц прозрачных с лимоном вкушать.
В кухне французской почти нет изъянов,
Важно лишь сыр вином запивать».

Наша беседа текла незаметно,
Мы сели в объятия Шарля де Голля,
Париж расцветал в преддверии лета...
Но где же у Франции милой король?

В сумраке храма грустит Женевьева,
Жанна поныне пылает в костре,
Злые химеры справа и слева,
Клеймо Робьеспьера на гальском челе...

«Все же, Париж остается примером
Музыки в камне ажурной мечты», —
Антик покачивал розою снежной,
Шаг убыстряя на площадь Звезды...

«Верю, Господь не оставит Парижа,
Горсть сохранив Своих сыновей;
Бисером их на Десницу нанижет,
Чудом спасет, как спасал чрез гусей!»

Платаны шумели в знак одобренья,
Розовой дымкой каштаны цвели...
С Антиком под руку за угощеньем
Мы близ полудня зашли в brasserie** ...

* comme il faut (фр.) — как подобает, как следует.

** brasserie (фр.) — кафе; в прошлом веке —
излюбленное место встреч поэтов, художников,
музыкантов.

КАРТИНА XVI

Каникулы в Париже,
Апрель уж на дворе...
В пяти звездах, не ниже,
Живу я на Марэ* ...

А во дворе французы
Лопочат невесть что...
Ко мне стучится муза
И входит сквозь окно...

Как сладко на постели
Широкой засыпать!
И, не оставив тела,
Над городом летать...

А утром с чемоданом
Ташиться в Шарль де Голль,
Чтоб, позабыв о сани,
Идти через контроль...

Прощай, Париж изящный!
Ах, Франция, прости!
Croissant** мне настоящий
В России не найти...

Меня не вспомнит завтра
Воздушный Нотр-Дам,
Но грусти по Мон-Мартру
Профану не продам!

Уж в легком сне я вижу
Коньки фигурных крыш...
Москва мне, братцы, ближе,
Но я влюблен в Париж!

* Марэ — один из самых старых кварталов Парижа.

** croissant (фр.) — французский рогалик.

Антик, вернусь ли с тобою в Россию,
 Встречу ли талых сугробов следы?
 Горлицей я полечу и почию
 В кроне склонившейся старой ветлы....

Антик, как мало мы Родину любим!
 Редко гуляем средь русских полей.
 Помню я нашу деревню... У пруда
 Иву плакучую... Нет мне родней

Неба, которое серым бывает,
 Рваных по кромкам седых облаков.
 Мирно в душе от собачьего лая,
 Грязной дороги и бедных дворов...

Антик, вернемся скорее в Россию!
 Храмов убогих вдохнем благодать.
 К длани прильнем Непорочной Марии,
 Любящей нас, как родимая мать.

Дайте мне крылья, чтобы летать —
 Землю родную не обойти,
 Можно Россию лишь мыслью обнять —
 Как бы хотел затеряться в пути!

Спрятаться птицей в зеленой траве,
 Колосом тонким на поле ржаном.
 Или пчелой в медоносном цветке
 Черпать душистый нектар хоботком.

Ветром гулять по бескрайним полям
 Или шуметь близ реки камышом,
 Камнем лежать, неуклюжим бугром.
 Все за тебя я, Россия, отдам!

Дайте же крылья, друзья, мне скорей,
 И не держите подле себя!
 Вам — оставаться в мире теней,
 В землю упасть мне каплей дождя...

КАРТИНА XIX

Время несется стрелою,
Но Антик и ныне в столицах...
Он ходит в потертом камзоле,
С белою розой в петлице,

Голос у Антика мягкий,
Слова просты и сердечны.
Полезней целительной мази
Для страждущих душ его речи.

В поисках Божьего Рая
Себя на людей истощая,
Сил он теряет немало...
Надеюсь, его вы узнали?

Он — в панталонах атласных,
Камзоле парчевом старинном,
С улыбкой ребенка... и часто
Гуляет вдоль ратуши чинно.

Но скоро камзол Антик скинет,
Раскинувши мощные крылья!
И прежде, чем землю покинуть,
Вас крепко обнимет и, сильно

Крылами взмахнув, журавлем
Навек воспарит в поднебесье,
В руках ваших белый бутон
Оставив неспетою песнью...

ЭПИЛОГ

КАРТИНА XX

Тихо живу я в маленьком доме,
Полном друзей — мной прочитанных книг.
Искрой дрожит фитилек пред иконой,
Кот на диване к подушке приник.

Антика фото в тонкой оправе
С полки у шкафа глядит на меня.
Милых друзей забывать мы не вправе —
Сердце лелеет их имена.

В старом камзоле, с невянущей розой,
Антик мне душу греет улыбкой.
Вспомню о нем — и невольные слезы
Вмиг набегают... Пусть невелико

Было число наших встреч, разговоров —
В парках Москвы, на скамейке у храма,
Ночью, под пристальным Всадника взором,
Или в Париже, вблизи Нотр-Дама.

Антик посеял в душе моей семя...
Юный тогда, ныне вчетверо старше,
Я вспоминаю то дивное время —
Антика голос звучит во мне арфой.

Нежно поют ее тонкие струны,
Чувство рождая духовной весны.
Антик, когда в этом мире подлунном
Снова с тобою увидимся мы?

Все, что нетленно, столь хрупким бывает,
Светлое, чистое вдруг исчезает,
Но память о нем не уйдет никогда.
Антик, ты жив?.. Иль моя ты мечта?

СОДЕРЖАНИЕ

*Приношу искреннюю благодарность
Ларисе Бравицкой,
много потрудившейся
в работе над композицией данного
поэтического сборника,
и Алле Саблиной,
оказавшей бескорыстную помощь
в его издании.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ВРЕМЕНА ГОДА	5
ОСЕНЬ	7
ЗИМА	9
ВЕСНА	12
ЛЕТО	14
СЛУЖИТЕЛЬ СЛОВА	17
СТИХИ	57
МОСКВА	59
МИГЕЛЬ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА	60
ЦАРИЦЫ	64
АНТИК	73

ПРОТОИЕРЕЙ
АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВ
Тридцать три и 1

*

Редактор *Л. Бравицкая*
Оформление *Ю. Глаголев*
Корректор *М. Кузнецова*

Формат 70x90 ¹/₃₂ 107x165 мм. Бумага офсетная.
Гарнитура «Банникова». Печать офсетная.
3,75 печ. листов. Тираж 1000 экз.
ISBN 978–5–9411910–8–6
© «Антик» 2014

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «12 Центральная типография»
117342, Россия, Москва, Севастопольский проспект, дом 56/40

Готовятся к изданию следующие книги
протоиерея Артемия Владимировича:

«Моя первая исповедь»

«Просвети одеяние души моя,
Светодавче...»

«От избытка сердца»

«С высоты птичьего полёта»

«Уроки жизни»

«Беседы в Русском доме»

Адрес книжной лавки и Домика Арины Родионовны:
2-й Красносельский пер., 5, стр. 1
Телефоны: (499)264-57-91; (499)264-84-82

В Домике Арины Родионовны
и в книжной лавке
Алексеевского женского монастыря
можно приобрести диски
с аудио и видеопрограммами
духовно-нравственного содержания,
с участием протоиерея Артемия Владимирова,
а также книги
протоиерея Артемия Владимирова:

«Молитвослов для самых маленьких»

«Учебник жизни»

«Любовь и вера»

«Мой Университет»

«Искусство речи»

«Семь слов о таинствах Церкви»

«По страницам церковного календаря»

«С постом приятным!»

«Зачем нужна исповедь?»

«Как зажигаются искорки радости»

Адрес книжной лавки и Домика Арины Родионовны:
2-й Красносельский пер., 5, стр. 1
Телефоны: (499)264-57-91; (499)264-84-82